

УДК 821.161.1(091)

ЛИРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА НА ПУТИ ОТ ПЕРСОНАЖНОСТИ К ПЕРСОНАЛИСТИЧНОСТИ

© Д.В.Ларкович

В статье впервые рассматриваются вопросы генезиса и эволюции системы лирического сознания в русской литературной культуре второй половины XVIII – начала XIX столетия на примере творческого наследия Г.Р.Державина. Вопросы философии антропоцентризма в лирических произведениях писателя исследуются в свете актуальной современной концепции «мультиперсонажности» в словесности. Ряд концептуальных уточнений вносится автором статьи в известную теоретическую концепцию М.М.Бахтина о диалогизме. В ходе исследования выдвигается гипотеза о введении Г.Р.Державиным в систему своей поэтики особой «ценностной инстанции», определяющей поэто-софскую самобытность его лирического творчества.

Ключевые слова: Г.Р.Державин, русская лирика, персоналистичность, авторское сознание.

Поэзия Державина мультиперсонажна: это факт абсолютно очевидный и сам по себе имеющий по преимуществу статистический интерес.

Персонажность вообще является отличительным свойством панегирической поэзии XVIII столетия, но именно у Державина она достигает своего апогея и приобретает принципиальный характер.

Действительно, в его художественном мире органично сосуществуют многочисленные образные двойники современных ему монархов, их вельможного окружения, военачальников и исторических деятелей, друзей, знакомых и близких поэта, его литературных предшественников и современников, поименованных и безымянных частных лиц различной сословной и национальной принадлежности и т.п. И это понятно, ведь в *антропоцентрическом* мире Державина человек является его основным оценочным критерием и индикатором его сбалансированности. Нельзя не согласиться с А.А.Казакевичем, утверждавшим, что «способность увидеть масштабность и противоречивость человека, показать его подчиненность высшим и общим законам, стремление дать человеку функциональную значимость в существующем миропорядке, повысить значение его реальных действий и ответственность за них – все это является одновременно и заслугой Державина и важной характеристикой его творчества» [1: 95].

Но поэзия Державина не только *персонажна*. Подчас она обнаруживает черты *персоналистичности* в том, бахтинском смысле, который предполагает способность проникновения в субъектную сферу *другого я*¹.

Говоря о герое державинской лирики, мы имеем в виду характер его участия в организации *лирического сюжета*, специфика которого существенно обусловлена субъектной структурой текста.

Так, характеризуя основные принципы сюжетообразования, Б.О.Корман указывал на то, что в лирике «каждая единица сюжета выражает ценностные представления субъекта. Сюжет строится как последовательность однородных прямооценочных суждений субъекта» [3: 185].

В том случае, когда в лирическом произведении наряду с основным субъектом речи появляется и другая субъектно-объектная инстанция (герой), возникает ситуация ценностной множественности, в диалектическом единстве которой и определяется высшая ценностная позиция автора.

Такой тип лирической системы, где существует некая совокупность субъектных сфер, опосредующих сознание автора, Корман определяет как *многоэлементный* [3: 178]. Поэтическая система Державина периодически тяготеет к такому типу субъектной структуры, что наиболее зримо проявляется в «екатерининских» одах 1780-х гг.

Так, в оде «Фелица» (1782) субъект лирического высказывания складывается из нескольких взаимообусловленных компонентов, выражающих различные точки зрения на изображенный в произведении мир и на самого себя. Как отмечает Р.А.Полюшкина, «своеобразное совмещение разных обликов “я” (мурза, погрязший в пороках, автор, размышляющий о пороках и добродетелях, одический поэт, восхищенный добродетелями Фелицы) в рамках одного произведения уводит от эстетической одноплановости “я” ло-

¹ В заметках «К методологии гуманитарных наук» М.М.Бахтин отмечает: «Персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не я, но

я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты» [2: 370].

моновосковой оды, где “я”, подчиненное стихии высокого, было проявлением только одной стороны человеческой личности... У Державина “я”, становясь многоплановым, по сути отражает иную концепцию человека» [4: 99].

Собственно говоря, уже в «Фелице» лирическое «я» Державина обнаруживает характерные признаки, присущие той субъектной инстанции, которую принято квалифицировать как «лирический герой».

Характеризуя субъектную структуру лирического произведения, Б.О.Корман отмечает: «По мере того как субъект сознания становится и объектом сознания, он отдаляется от автора, то есть чем в большей степени субъект сознания становится определенной личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию» [3: 174].

Облачив своего лирического субъекта в маску Мурзы, Державин тем самым допустил значительную меру его самостоятельности. Тот оказался иной национальной и конфессиональной принадлежности, со своим особым жизненным укладом, привычками, темпераментом, с особым мировоззрением и голосом. И, как известно, Мурза очень скоро начал жить автономной, нередко далеко выходящей за рамки эстетического контекста жизнью, замещая самого автора².

Между тем эта принципиально новая форма опосредования авторского сознания, будучи «образом-личностью» (М.М.Бахтин), «отражением, отделившимся от отражаемого» (Л.Я.Гинзбург), «субъектом-для-себя» (Н.Д.Тамарченко), открыла новые возможности взаимодействия автора с объектом лирического переживания.

Став полноценным субъектом ценностно-речевой деятельности, «лирический герой» Державина повлек за собой актуализацию ранее не востребованного субъектного потенциала других персонажей.

Сам Мурза как основной речевой субъект не только масочно многолик, но и стилистически полифоничен, причем смысл этой полифонии напрямую обусловлен неоднородностью параметров ценностной дистанции, определяющей характер его взаимодействия с Фелицей как объектом лирического переживания. Множественность ситуативных ракурсов этого образа («бо-

гоподобная царевна», «почасту ходишь ты пешком», «полезных дней проводишь ток», «дурачества сквозь пальцы видишь», «ты нимало не горда», «ты ведаешь, Фелица, правы», «стыдишься ты», «но где твой трон сияет в мире?» и т.д.) предполагает множественность стилевых форм его речевой презентации и свидетельствует о его семантической многогранности.

Так возникает внутрискруктурная взаимосвязь: не только лирический субъект задает ценностные параметры объекта изображения, но и сам персонажный образ Фелицы, обладающий поливалентной природой, предвосхищает его эмоционально-ценностные реакции, а следовательно – приобретает субъектный характер и включается в процесс сюжетообразования.

Кроме того, в стихотворении имеется случай речевой самопрезентации Фелицы, явленный в форме неточной цитаты из «Бабушкиной азбуки», составленной Екатериной в 1783 году: «Не делай ничего худаго – / И самага сатира злаго / Лжецом презренным сотворишь» [5: 145]³. В связи с тем, что ода «Фелица» – это диалогически-игровая реакция на «Сказку о царевиче Хлоре», складывается ситуация межтекстовой взаимосвязи, которая придает данному высказыванию характер персональной этической манифестации, непосредственно выражающей ценностную позицию героя, а само высказывание предстает как факт наличия его самостоятельного, не зависящего от автора голоса.

С этой точки зрения «екатерининские» оды 1780-х гг. могут рассматриваться как одна из наиболее ранних в русской поэзии попыток опосредования сознания *другого*, отличного от авторского и оригинально коррелирующего с ним.

Вряд ли здесь правомерно говорить о полноценной автономии двух субъектов сознания, ибо, как отмечал М.М.Бахтин, «в поэтических жанрах в узком смысле естественная диалогичность слова художественно не используется, слово довлеет самому себе и не предполагает за своими пределами чужих высказываний» [7: 98]. Однако со всей очевидностью мы имеем дело со стремлением поэта включить в пространство создаваемого им мира ту дополнительную ценностную инстанцию, которая способна в особом ракурсе выразить его сущностные черты и активно взаимодействовать с авторской точкой зрения.

1. Казакевич А.А. Человек в творчестве Г.Р.Державина // Творчество Г.Р.Державина: Специфика.

² В послании «Храповицкому» (1793) Державин сознательно разводит сервильного Мурзу, который «ладычице киргизской ... песни пел / И лирой ей хвалы гремел», а потому стал «с большим усом», и автора, который неукоснительно следует принципу: «Богов певец / Не будет никогда подлец» [5: 542-545].

³ Ср.: «Делай добро и не перенимай худое, пусть у тебя перенимают доброе» [6: 1⁰⁶].

- Традиции. – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1993. – С. 88 – 95.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
 3. *Корман Б.О.* Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
 4. *Полюшкина Р.А.* Характер лирического «я» в поэзии Г.Р.Державина // Г.Державин: История и современность. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – С. 95 – 103.
 5. *Державин Г.Р.* Сочинения. С объяснит. примеч. Я.Грота. В 9 т. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1864 – 1883.
 6. *Екатерина II.* Бабушкина азбука вел. кн. Александру Павловичу // РГАДА. Ф. 2: Дела, относящиеся до императорской фамилии. Оп. 1. Д. 117.
 7. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

LYRICAL CONSCIOUSNESS OF G.R.DERZHAVIN ON THE WAY FROM CHARACTER TO PERSONALITY

D.V.Larkovich

It is the first research dealing with the genesis and evolution of the lyrical consciousness system in Russian literary culture in the second half of the 18th – early 19th centuries, based on Derzhavin's oeuvre. The issues of anthropocentric philosophy in lyrical works of the writer are studied in terms of the relevant modern concept of "multicharacter" in literature. A number of clarifications are made by the author of the article with respect to the well-known theoretical concept of Bakhtin concerning dialogism. In this study, a hypothesis is proposed that G.R.Derzhavin introduced a special "axiological instance" in his poetics which determined the identity of his poetosofic lyrical oeuvre.

Key words: Derzhavin, Russian poetry, personality, author's consciousness.

1. *Kazakevich A.A.* Chelovek v tvorchestve G.R.Derzhavina // *Tvorchestvo G.R.Derzhavina: Specifika. Tradicii.* – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1993. – С. 88 – 95. (in Russian)
2. *Bahtin M.M.* Jestetika slovesnogo tvorchestva. – М.: Iskusstvo, 1979. – 424 s. (in Russian)
3. *Korman B.O.* Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury. – Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1992. – 236 s. (in Russian)
4. *Poljushkina R.A.* Harakter liricheskogo «ja» v poezzii G.R.Derzhavina // *G.Derzhavin: Istorija i sovremen-*
- nost'. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1993. – S. 95 – 103. (in Russian)
5. *Derzhavin G.R.* Sochinenija. S objasnit. primech. Ja.Grота. V 9 t. – SPb.: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1864 – 1883. (in Russian)
6. *Ekaterina II.* Babushkina azbuka vel. kn. Aleksandru Pavlovichu // *RGADA. F. 2: Dela, odnosjashhiesja do imperatorskoj familii.* Op. 1. D. 117. (in Russian)
7. *Bahtin M.M.* Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let / *M.M.Bahtin.* – М.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 504 s. (in Russian)

Ларкович Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики, декан филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета.

627417, Россия, Сургут, ул.Островского, д.8, кв.57.
E-mail: dv110@yandex.ru

Larkovich Dmitry Vladimirovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Philological Education and Journalism, Dean of the Faculty of Philology, Surgut State Pedagogical University.

Flat 57, 8 Ostrovskiy Str., Surgut, 627417, Russia.
E-mail: dv110@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.07.2014